

Гастроли Малого театра в Ереване

МАЭСТРО СЦЕНЫ

Есть в облике Бориса Равенских что-то от неистовых маэстро. Еще я мог бы представить его поэтом. Создателем страстных, стремительных строк, сквозь многоголосое буйство которых прослушивается тонкий лирик.

Впрочем, Равенских и есть истинный поэт, маэстро сцены. Его и нельзя представить человеком иного искусства. Увидев его постановки, встретившись с ним, проникнув в повседневность его творческой лаборатории, вы откроете для себя интересную личность, одержимую высокими идеалами театра, одержимую до самозабвения, до странностей.

Этот плотный коренастый человек с живыми, выразительными глазами с первой же встречи завораживает вас именно своей одержимостью. Слово пронизанный каким-то беспокойным нервом, весь в движении, полемике, он захватывает вас своим темпераментом, увлекает в мир волнующих его образов и мыслей.

Равенских — художник, не терпящий искусства импозантного «покою» и величавой размеренности, полуправды и компромиссов. Для него театр, прежде всего, полет мысли, боренье идей, взглядов, эмоций, столкновение сильных характеров. Борьба ради торжества прекрасного, ради того, чтобы оно было всегда с человеком, очищало и возвышало его душу.

Часто в своей режиссерской практике, обращаясь к классике, значительным современным произведениям, Борис Иванович ищет в них то, что более всего необходимо сейчас народу. «Чем люди живы?» — вот, пожалуй, вопрос, который он задает себе перед каждой новой постановкой. Наивно полагать, что ответ способен найти каждый. Тут, как говорится, нужен глубокий и пронизательный художник, умеющий чутко улавливать голоса жизни, слушать и видеть ростки нового.

Борис Равенских является именно таким художником. Неслучайно же его многие постановки, а создал он их не один десяток, долго держатся в репертуаре, продолжают волновать зрителей. Весьма показателен общественный резонанс на такие известные его спектакли, как «Власть тьмы», «Метель», «Поднятая целина», «Драматическая песня». Ставшие явлениями в советском театральном искусстве, они заставили говорить о нем, как о новаторе, самобытном русском режиссере, мастере, умеющем в яркой и оригинальной сценической форме поднимать глубинные пласты произведения.

Спектакль «Власть тьмы», вероятно, останется в истории театра как классический пример творческой дерзости в режиссуре. Дерзость тем поразительна, что речь идет не о рядовой пьесе, а о гениальной драме Льва Толстого, не об очередной свежей трактовке, а о полном и решительном раз-

рушении всеобщего представления о драме.

Давно улеглись жаркие споры вокруг постановки. Теперь и прежние противники стали ее горячими поклонниками. Спектаклю восторженно аплодировали в Париже, Софии, Бухаресте, о нем опубликовано множество статей как в советской, так и зарубежной печати. И все же, посмотрев постановку в эти гастрольные дни Малого театра в Ереване, хочется заново осмыслить суть дерзости Равенских, понять особенности его искусства.

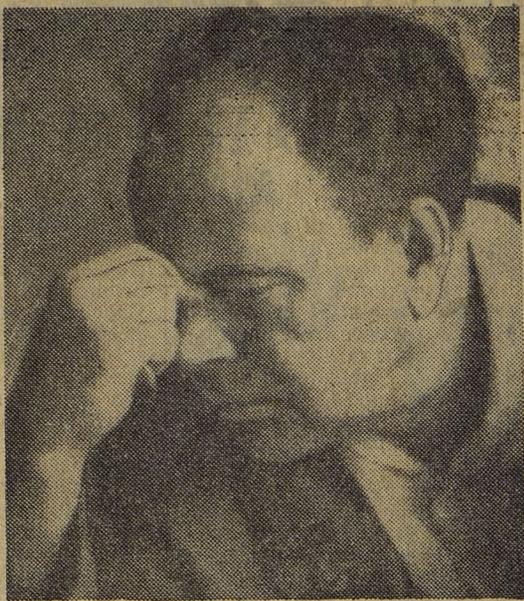
Смотришь спектакль, и удивляешься, с какой любовью к людям, как высший дар им, режиссер из глубин драмы с густо замешанным мраком бытия ненавязчиво выносит на первый план великую совесть Акима. Все остальное — перипетии, освещаемые с нарастающей силой этим внутренним движением постановки. Движением, возвышающим драму до большого общечеловеческого звучания.

Равенских со всей полнотой проявил в этом спектакле свой редкий дар режиссера-полифониста, великодушного «инструментовщика» драмы. Свет и музыка в его руках стали могучими образительными средствами, более того, своеобразными активными действующими лицами. Не потонул бы без них голос Акима, в такой «пляске» человеческого падения? Режиссер, мастерски применяя законы светотени и контраста, а порой и уммышленно разрушая их, достигает исключительного эффекта во многих сценах и особенно в впечатляющем финале, остающемся в памяти зрителя ярким факелом торжествующей человеческой совести.

Вокруг искусства Равенских никогда не было равнодушных. Одни отрицали, другие возносили. Одинаково яростно, одинаково упорно. Сам же он всегда оставался верен своим творческим принципам. Искал, экспериментировал, отвергал, полемизировал с другими, самим собой. И все это, конечно, со временем не могло не вылиться в новое качество, не подвести к такому итогу, как спектакль «Власть тьмы».

Итога же, пока творит художник, оказывается, в искусстве нет. За созданным произведением следует новая работа — и все начинается сначала. С ощущения необъяснимого страха, мучительных поисков.

Всегда в пути со своими сомнениями и. Борис Равенских. И за открытой полемичностью его натуры и творческой манеры было бы ошибочно представлять его неким ярким ниспровергателем традиций. На-

против, его творческое «разногласие» скорей всего направлено на защиту и дальнейшее развитие реалистических традиций, основанных великими мастерами русской сцены. И сегодня, когда за плечами главного режиссера Малого театра большая дорога в искусстве, он с гордостью говорит о пройденном им в годы ученичества двух замечательных академий сценического мастерства — режиссуры у Мейерхольда и работы с актерами у Станиславского.

Беседуя с Борисом Ивановичем, я, кажется, впервые почувствовал полную справедливость известного изречения: «Стиль — это человек». Я хотел спросить у него: «Кого он считает сейчас лучшим режиссером?». Но я задал несколько иной вопрос и услышал совершенно неожиданное:

— У меня такое ощущение, что я только-только начинаю овладевать искусством режиссуры, а иногда мне кажется, что никогда не сумею постичь его. Трудно, необобразимо трудно после Станиславского и Немировича-Данченко.

Я не раз ставил спектакли на советскую тематику, обращаясь к творчеству Островского, Шолохова, Леонова. Теперь же меня опять потянуло к классике. Хочу поставить «Царя Федора Иоанновича» со Смоктуновским в главной роли. Почему моя режиссерская интуиция привела на сей раз к этой пьесе, — не могу объяснить. Тема будущего спектакля кроется где-то на скрещении таких понятий, как совесть, народ, власть. Слушаю ли музыку, люблю ли природу, снова ли перечитываю пьесу — всегда что-то нахожу, что меняет замысел, обогащает его новыми штрихами. Хотя и в целом постановочный план готов, внутренняя работа продолжается, и этот процесс, скажу откровенно, я переживаю всем своим существом.

Таков Равенских перед новой работой. Завтра, быть может, его вы уже не увидите таким. Возможно, он предстанет перед вами в совершенно ином «амплуа». Но при всех случаях вы почувствуете и не можете не почувствовать, что встретились с большим интересным художником.

Г. ЛАЛАЯНЦ.